

Линии, пересекающиеся в бесконечности

Владимир Царицын

Родился 13 сентября 1954 года в Новосибирске, где и проживает в настоящее время. Служил в Советской армии (ЧССР). Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт по специальности инженер-гидротехник. Работал на стройках гидромеханизации, пробовал себя в коммерции и в финансах, но тяга к литературе оказалась сильнее. Первая книга вышла в далеком 1990-м. Литературную деятельность возобновил после длительного перерыва в нулевых годах текущего века. Работает в разных жанрах — научная фантастика, остросюжетная проза, современная социальная и бытовая психологическая проза, детская литература, любовный и сентиментальный роман. Член Союза писателей России с апреля 2010 года.

Чаяк было немного, по пальцам пересчитать. Они облюбовали место на краю пирса, стояли, развернувшись кловыми в сторону ветра. Изредка какая-нибудь из чайек взлетала и с криками проносилась над волнами.

Крики чайек похожи на смех...

— Они смеются над нами, — грустно сказала Анастасия.

— Над нами? — удивился я. — Разве мы такие смешные?..

— Смешные...

— И что в нас...

— Не мы сами, — поправилась она. — Прости, наша любовь смешна. Мы уже далеко не юны.

— Ну и что? Когда проходит молодость, еще сильнее любится, — возразил я словами старой, за-

бытой многими песни. И непроизвольно скользнул взглядом по сеточкам морщин у глаз любимой.

— Ты прав, но... — Анастасия замолчала, перехватив мой взгляд.

Мне стало стыдно, на языке вертелось: «Прости». Но я ничего не сказал, было бы глупо что-то говорить. А Настя усмехнулась уголками губ. Задумчиво поднесла чашечку ко рту, обнаружив, что она пуста, осторожно поставила на блюдечко.

Я ощущал себя полным идиотом.

— Заказать еще? — спросил и обернулся к стойке, но Анастасия остановила, положив свою руку поверх моей.

— Спасибо, любимый, не надо. Не хочу больше. — Она зябко передернула плечами.

И рука ее дрожала, я почувствовал Настину дрожь.

— Ты замерзла?

— Не знаю... Нет, кажется, нет. Наверное, это нервное.

— Почему ты нервничаешь? Нас здесь никто не знает и некому сообщить твоей дочери...

— И твоему сыну.

— Да, — согласился я, — и Сан Саныч тоже ни о чем не узнает. А если и узнает... Он уже совсем взрослый, поймет.

— Поймет ли?

— Настя... Какая разница? Поймет, не поймет... Мы с его мамой в разводе уже целую вечность. У меня были женщины после... — Я осекся. Не надо было этого говорить. Но Настя словно не заметила незаконченной фразы.

— Я не из-за этого нервничаю, Саша. Мне кажется, что мы с тобой видимся в последний раз... Нет, не так. Я знаю: мы с тобой больше не увидимся. Ты вернешься в свой Полюноград, я...

— Мы встретимся, Настя, родная моя, любимая. Мы еще не раз встретимся...

Мы расстались в аэропорту Шереметьево. Регистрация на Настин рейс должна была начаться через час после нашего прилета из Малаги. А я улетал в Полюноград ночью.

— Может, посидим где-нибудь, — предложил я, посмотрев на часы, — еще время есть...

Анастасия отрицательно качнула головой:

— Нет. Не надо. Все равно ничего другого не решим. Мы уже все с тобой обсудили, обо всем поговорили.

— Обо всем? Обо всем поговорить жизни не хватит.

— Вот видишь... А ее у нас и нет, жизни. Как говорится: перед смертью не надышишься. Расставанье — маленькая смерть.

— Что-то мы с тобой часто песнями разговариваем.

— Наверное, потому, что наша любовь — это наша лебединая песня... Ну все, мне пора. Пойду на регистрацию.

— Настя...

— Что?

— Мы с тобой обязательно встретимся.

— Как получится.

— Как получится... Что за слово такое дурацкое: какполучится?..

— Как получится, — тихо повторила Настя, потянулась на носках и поцеловала меня в губы. Быстрым и каким-то необязательным был этот поцелуй, безвкусным. Я понял: Настя простилась со мной еще там, в Испании.

Я смотрел, как она очень быстро прошла паспортный контроль и направилась к стойке регистрации. Шла и не оборачивалась. Знала, что я смотрю ей вслед. Но не оборачивалась.

Настя!!!

Не знаю, крикнул ли я? Или хотел крикнуть? Настя услышала?... поняла?... почувствовала мою боль. Повернулась.

— Я сейчас сдам свой билет и возьму другой! — крикнул я. — На твой рейс.

Она молча покачала головой. В ее глазах тоже была боль.

В самолете я не спал. От предложенного ужина отказался. Заказал бутылочку виски. Пил и не ощущал ни крепости, ни вкуса нерусской самогонки. Словно перед этим прополоскал рот и горло уксусом.

Глупое сравнение.

Вообще — все глупо. Глупо, нелогично, больно. И... пусто.

Душа пуста. Словно ее нет вовсе, словно осталась она где-то... на Коста дель Соль или в Шереметьево. Или ее забрала с собой Анастасия.

Я сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, цедил безвкусный алкоголь и вспоминал нашу последнюю ночь в Испании...

— Я люблю тебя, Саша.

— И я люблю тебя, родная моя. Я никого никогда не любил. Только тебя. Всегда. Всю жизнь.

— И я всегда любила только тебя.

— Какие же мы с тобой дураки! Что мы натворили! Могли быть счастливы...

— Так распорядилась судьба.

— Она злая... Двадцать пять лет мурыжила.

Мы лежали и курили одну сигарету на двоих.

— Мне очень хорошо с тобой, Сашенька.

— Я старался, — пошутил я, запоздало осознав, что Настя сейчас о другом, не о любви телесной.

— Знаешь, — сказала она, помолчав, — я давно поставила на себе крест. А теперь... Оказывается, женщиной быть очень здорово. Любимой женщиной...

Анастасия лежала с закрытыми глазами, думала о чем-то. Потом продолжила грустно:

— Мы потеряли целую жизнь, Саша. Жизнь прошла, а мы ее не заметили. Знаешь, мне кажется, что я спала четверть века, и это был дурной сон.

Я увидел в свете ночника, как маленькая слезинка-искорка выкатилась из уголка ее глаза. Поцеловал слезинку, она была соленой.

— Как жаль, что это наша последняя ночь, — прошептала Настя.

— Но почему? Мы свободны. Мы можем быть вместе всегда. Мы с тобой можем начать новую жизнь.

— Нет, — грустно отозвалась Настя. — Мы не будем вместе. Я не могу. Марина меня не поймет. Она слишком любила своего отца. Она не простит. Не поймет.

— Но не можешь же ты вечно хранить верность покойному супругу! — разозлился я.

— А разве я ее храню? — вопросом возразила Анастасия.

— Прости, любимая, но мне этого мало. Встречаться раз в год... Я всегда хочу быть рядом с тобой. Всегда, понимаешь?!

— И ты прости меня, любимый, но другого не будет. Марина очень любила своего отца, — повторила она.

— Ну и что?!

Настя открыла глаза и посмотрела на меня ласково и немного жалеючи, как глядят на непонятливо-го ребенка умные взрослые.

— Это много. Это очень много, Саша. Это слишком большая преграда для нас. Во всяком случае, для меня.

— Настенька, ну что ты говоришь?! — Я схватил ее за плечи, рывком поднял с подушки и прижал

к себе, стал целовать глаза, щеки, губы. Настины слезы текли по моим щекам. Или и мои тоже?..

— Что может быть больше нашей любви? — шептал я. — Разве ты, ты сама не хочешь быть вместе?

— Хочу! — с жаром ответила она. — Очень хочу, любимый! Но... слишком поздно. Ничего нельзя исправить, изменить. Жизнь прошла.

— Да не прошла она! Мы еще можем быть счастливыми! У нас еще уйма времени!

— Нет, Сашенька, мы с тобой можем быть счастливыми разве что в другой жизни.

Я не верил в другую жизнь. Не признавал реинкарнации, ведическую культуру считал чушью. Другой жизни не будет. «Есть только эта», — думал я. Всегда так думал.

Я вообще никогда ни во что такое эдакое не верил. Ни в инопланетян, ни в полтергейст, ни в экстрасенсов, магов и знахарей. Фома неверующий — так называла меня моя супруга, с которой я расстался шесть лет назад. И потом, моя вторая, гражданская жена, с которой я тоже расстался, и она называла меня Фомой неверующим.

Вдруг я вспомнил...

Вспомнил Полюноград академический. Маленькую однокомнатную квартиру моего школьного приятеля Пашки Моргунова. Его самого, взъерошенного и неухоженного, с горящими глазами сумасшедшего мэнэса.

Мы с Пашей встретились случайно, тут же узнали друг друга. Паша практически не изменился за последние десять лет, что мы не виделись — не похудел, не потолстел, не постарел, только вихры стали чуть жиже. Мы встретились, обнялись и сразу решили отменить уход его жены.

— Давно ушла? — спросил я.

Паша почесал затылок.

— Два года что ли?.. Около того.

Он сразу потащил меня к себе домой. По дороге купили бутылочку «Арарата». Расположились на кухне. Сначала о том, о сем поговорили. Паша с неохотой рассказал о себе и с еще большей неохотой выслушал мой краткий отчет о прожитом десятилетии. Очень быстро разговор повернулся к обсуждению темы, над которой он сейчас работал. Здесь Паша оживился.

— Я практически вычислил формулу счастья, — безапелляционно заявил мне он, на что я снисходительно улыбнулся и сказал:

— Чушь. Счастья не существует как такового, а значит, не может быть и его формулы.

— Ты пессимист, Саня.

— Да уж, не оптимист.

— Счастье существует, старик. И формула...

И никакая это не чушь! Это НАУКА!!! — Слово «наука» Пашка произносил как святое слово. — Но!.. — Пашка поднял вверх указательный палец, — новая Наука! Старая наука изжила себя.

Я пожал плечами.

— Я ученый, — продолжал Пашка, — и занимался традиционной наукой всю жизнь, буквально со школьной скамьи. Ты должен помнить.

— Да, я помню, — кивнул я. — Тебе всегда было интересней разговаривать с нашим физиком, чем с нами, своими сверстниками. И всякие там кружки...

— И как ученый, — продолжал Пашка, даже не дослушав мою реплику до конца, — хорошо знающий предмет, могу сказать вполне определенно: точные науки далеко не так точны, как это принято считать. Поправки и допущения иногда могут кардинально менять все кругленькие и красивенькие результаты расчетов. А это вообще меняет иногда весь смысл и направление поисков. А гуманитарные науки? Да в них столько условностей, неточностей и индивидуаль-

ных личностных утверждений, порою очень и очень спорных, что об истине нужно забыть. Слова Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю» — вот то единственное утверждение, которым должен руководствоваться каждый человек, посвятивший свою жизнь и свои силы науке. Физика, химия, математика, биология, да вся наука, основана на результатах многовековых наблюдений за явлениями, происходящими в природе, и попытках эти явления описать, рассчитать, загнать их в удобные для восприятия формулы. Но далеко не все эти явления можно описать придуманными символами и расчетными величинами. Как, например, можно выразить математически или, скажем, химически такие явления, как горе, любовь? Измерить и описать процессы, протекающие в человеческом организме в такие периоды, можно. Но это всего лишь констатация факта возникновения того или иного ощущения. А почему это происходит? Что такое смерть? Как возникает сознание? И куда оно девается после смерти? Да что такое судьба, в конце концов? Почему один человек окружен толпой любящих и уважающих его людей, родных и знакомых, до самой старости? А жизнь другого — череда потерь и страданий? А третий? Ухватив за хвост птицу счастья и думая, что вот оно, то самое, свершилось! И вдруг: ах! — он теряет все, обладателем чего стал так неожиданно. Те вопросы, на которые ответа нет, наша хваленая фундаментальная наука и не пытается решить. Все списывается на природу, на провидение божье или на несчастный случай... Судьба? Рок? То, что должно произойти, произойдет обязательно в определенный момент? Ерунда!

— Ты не согласен с Конфуцием? — блеснул я эрудицией.

— И с Ницше тоже. Можно подумать, что ты с этими ребятами согласен.

— Да я собственно... — начал я и замолчал. Ни Конфуция, ни Ницше я не читал. Что-то слышал когда-то.

— Бессилие, — усмехнулся Пашка, — они проповедуют бессилие. Человек рождается не для того, чтобы страдать, а для того, чтобы быть счастливым. Он может выбирать именно тот путь, по которому ему идти комфортнее, по которому он хочет идти.

— Хорошо бы, — согласился я. — Но это мечты. Жизнь крайне жестока. Мы можем что-то менять в своей жизни, стремиться к счастью, но по этой дорожке идешь не ты один. Рядом с тобой идут люди, которые влияют на твою жизнь. Судьбы сплетаются, а пути расходятся.

— А вот и нет! — бахнул по столу кулаком мэнэс Моргунов. — Вариантов судьбы каждого человека масса. Повторяю: человек может выбрать тот путь, по которому ему идти приятно и комфортно. И вместе с теми людьми, идти с которыми он желает.

— Это и есть твоя формула? — усмехнувшись, спросил я.

— Это ее смысл, — важно ответил Паша. — Ну-ка, пошли со мной!

Он поволок меня с кухни в комнату, подтащил к компьютеру.

— Смотри. — Пашка пошевелил мышкой, и темный экран монитора посветлел. На нем появились разноцветные параллельные линии; я подумал, что это заставка. — Что это, как ты думаешь?

— Матрица какая-то, — брякнул я, чтобы не обидеть приятеля.

— Это модель. Многовариантная модель человеческой судьбы. Сильно упрощенная модель.

— Чьей судьбы?

— Ничьей. Это абстрактная модель. Но получена она по результатам исследований мозга многих лю-

дей. Ну и... основана на моей смелой гипотезе, естественно.

— И что все это означает?

— Ты знаком с теорией параллельных миров? — Пашка в упор посмотрел мне в глаза и, столкнувшись с непроницаемостью моего взгляда, понимающе кивнул: — Наверное, в общих чертах.

— В самых общих. Из передачи «Очевидное — невероятное».

— И то хлеб. Так вот, я предположил, что параллельные миры — это варианты судьбы человека. Их количество так же бесконечно, как бесконечен космос. Помимо того варианта, в котором живет человек, есть неисчислимое множество других вариантов. Есть мир, в котором ты неудачник, а есть мир, в котором ты гений. Есть мир, в котором ты живешь только миг, а есть тот, в котором ты долгожитель.

— Безумная идея, — вставил я.

— Все гениальные идеи поначалу казались безумными, — возразил Пашка. Кажется, он обиделся. Закурил.

— Ну, хорошо, — сказал я, тоже закуривая, — рассказывай, что можно увидеть на этой модели. Какие судьбы? Какие параллельные миры?

Пашка снова воодушевился и, тыча пальцем в изображение, принялся объяснять мне свою теорию.

— Каждая параллель — это один из вариантов судьбы человека. Она же, параллель, соответствует тому миру, в котором этот человек может, потенциально, существовать. Сколько миров — столько судеб. Пока так, грубо. На самом деле все гораздо сложнее. Но без специальной подготовки ты не поймешь.

«Я и так мало что понимаю», — подумал я.

— Вот эта, красная, — продолжал Паша, — в центре пучка — это тот мир, в котором человек находится сейчас. Допустим — это наш мир, — он ука-

зательным пальцем начертил круг у себя над головой. — Слева с самого края находится белая параллель, она соответствует идеальному миру, идеальному с точки зрения этого условного человека. В эмоциональном плане, естественно.

— Рай своего рода, — вставил я.

— Можно и так сказать, — великодушно согласился безумный гений. — Справа — черная линия — мир тяжелый, мрачный, полный боли и страдания, нелегкая судьба. Следуя предложенной тобой терминологии, это Ад. Человек может выбирать, в каком из параллельных миров ему жить. Он может сам выбирать свою судьбу.

— А каким образом человек может попасть в тот мир, в котором он хочет жить? — спросил я.

— Ха! — Павел самодовольно усмехнулся и потер руки, готовясь к лекции. — В том, что такие миры существуют, практически никто из нас, из современных ученых, уже не сомневается. Ну, разве что старые марзаматики академики с мировыми именами да еще некоторые... скептики, заикленные на традиционных науках. Короче — единицы! Остальные ищут порталы перехода в параллельные миры. Но не там ищут! Понимаешь, старик, не там. Забираются под землю, плутают в лабиринтах пещер, опускаются в морские глубины, лезут к полюсам. В космосе тоже ищут. И не находят. Иной раз мелькнет где-нибудь информация, мол, сенсация! Нашли! А потом сенсация оказывается фикцией. — Паша заговорщицки мне подмигнул и победоносно подытожил: — Не там ищут.

— Но ты-то знаешь, где искать, — поддержал я товарища.

— Знаю! — радостно сказал Паша. — Вот тут, — он похлопал себя по голове, — тут надо искать точку перехода. Я поискал и нашел. Мозг человека, ста-

рик, — это самый мощный и самый неизученный орган. А сознание — оно бесконечно. Бесконечней космоса. Там хранится не только вся информация о прошлом человечества, но и о его будущем. Там и бесконечное количество вариантов судеб, то есть параллельных миров, там и портал перехода в них.

— Но это же все, — я кивнул на цветастую картинку на экране монитора, — пока только теоретически?

— Не-а, — радостно улыбнулся Пашка. — Уже создан опытный образец установки по перемещению м-м-м... некоего индивидуума, пока, правда, небольших размеров в параллельный мир. И даже проведен один опыт.

— И кто этот м-м-мелкий счастливцев?

— Лабораторная мышка. Представляешь, она исчезла из этой реальности! Ты представляешь?!

Я представил, как белая лабораторная мышка юркает за установку, где ее уже ожидает голодная лабораторная кошка. Живо представил.

— Понимаешь, Саня, — продолжал Павел, — это не только путь к счастью, это дорога в бессмертие. Человек может прожить бесчисленное количество жизней, перебираясь из одного параллельного мира в другой, в любую временную точку. Может повторять свою жизнь в одном и том же мире столько раз, сколько пожелает.

— Любой человек?

Пашка пожал плечами и, склонив голову набок, ответил:

— Любой. Хочешь стать первым ныряльщиком в параллельный мир?

— А ты?

— Я? У меня все хорошо в этой реальности. Мне здесь интересно и ничего менять не хочется. Я всем доволен.

Я обвел взглядом его давненько не отремонтированную и даже давненько не прибираемую квартиру и усомнился.

— Ну что, запишешься в добровольцы? — загорелся Павел. — Не прямо сейчас. Через год, думаю, я создам установку, способную переместить в другую жизнь человека. Или раньше...

— Да я вроде бы тоже... ничего не хочу менять, — ответил я, чтобы отвязаться от сумасшедшего ученого.

— Согласен, — кивнул головой Пашка. — Зачем тебе что-то менять, если... Но ты все-таки брякни мне где-нибудь так через годик. Или раньше...

С того разговора прошло времени гораздо больше года. Лет десять уже прошло. С Павлом Моргуновым мы больше не встречались. Я видел его как-то по телевизору. О чем шла речь в той передаче, не знаю, так как застал самый конец. А посмотреть повтор было недосуг.

«Мы с тобой можем быть счастливы разве что в другой жизни...»

Так мне сказала Анастасия.

Пашкин домашний телефон я без труда нашел в своей старой записной книжке (гораздо трудней было найти на антресолях саму книжку). Позвонил, но мне ответил незнакомый мужской голос и на мою просьбу пригласить к телефону Павла Моргунова сообщил, что такой человек здесь не проживает. Квартира — да, та самая, но имя Моргунова Павла ему ни о чем не говорит. Видимо, это кто-то из старых хозяев квартиры.

Я не стал отчаиваться. Вычислил Пашу по компьютерной телефонной базе. Позвонил, но мне ответил автоответчик Пашкиным голосом, сообщив, что сейчас никого нет дома, и порекомендовал позвонить позже. Я оставил сообщение, что я — это я и что позвоню вечером.

Ближе к вечеру забежал Сан Саньч.

— Пап, у тебя с бабосами как? Дай маленько до вторника. Баксов пятьсот.

Я присвистнул.

— Ты думаешь, у меня есть такая сумма наличныхми?

— А что, нет? Ах, да! Ты же в свою любимую Испанию недавно ездил, все прокутил небось. А сколько есть?

— Между прочим, только что приехал.

— С возвращением на родину!

— Спасибо. Может, посидим, пообщаемся? Я бутылку «Джека Дэниэлса» в дьюти-фри купил.

— Некогда, пап. Да и не пью я, ты же знаешь.

— Ну, просто бы поговорили...

— Ей богу, пап, некогда. Цейтнот.

Я достал из бара всю свою наличность, проинспектировал содержимое бумажника. Развернул купюры веером.

— Здесь немного меньше. По-братски? Половина тебе, половина мне.

— Ладно, — милостиво согласился сын, — давай.

Во вторник верну.

Я ничего не ответил. Конечно, вернет. Не обязательно во вторник. Когда-нибудь... Он у меня уже совсем взрослый. Самостоятельный. Но денег иногда у меня перехватывает.

Пашка позвонил мне сам.

И вот я у него в гостях, в новой, уже двухкомнатной, но такой же неухоженной и неприбранной квартире. И сам он был все такой же неухоженный и неприбранный. Волосы стали еще реже и сильно побелели. А глаза по-прежнему горели сумасшедшим огнем.

— Жена ушла, — радостно сообщил мне Паша.

— Давно?

Паша почесал седой затылок:

— Года два что ли?.. Отметим это событие?

— Почему нет? У нас стало хорошей традицией встречаться раз в десять лет и отмечать уход твоей жены, — сказал я, ставя на кухонный стол пакет с провизией и беспопылинным «Джеком Дэниэлсом».

— Старик! Я сейчас над такой темой работаю! — Паша, по-видимому, решил не тратить время на пустопорожние разговоры, а сразу перейти к обсуждению своего нового гениального открытия. — Нуль-транспортировка. Слышал?

— Я фантастику как-то не очень...

— Какая фантастика, старик?! Это НАУКА!!!

«Начинается», — подумал я и решил взять инициативу в свои руки.

— А помнишь, ты предлагал мне записаться добровольцем и нырнуть в параллельный мир?

— В параллельный мир... — как эхо, повторил за мной Паша и слегка погрузтел. — Закрыли тему. Признали дальнейшую ее разработку опасной. Установку разобрали к чертовой матери и... — Паша махнул рукой.

— А что так?

— Давай, старик, выпьем!

Мы выпили, и Паша стал рассказывать.

Он создал-таки установку, способную, по всем его расчетам, перемещать в параллельные миры объекты с габаритами гораздо большими, чем у лабораторной мышки. И нашлись добровольцы, желающие кардинально изменить свою жизнь. А эксперимент не пошел. Добровольцы не исчезали из данной реальности, их тела оставались на месте, и только мыслями они побывали в иных вариантах своих судеб. Побывали, посмотрели, позавидовали самим себе иным, а изменить жизнь свою не смогли. И вернулись сознания дайверов в их бранные оболочки.

— Я не понял, — сказал я, выслушав Павла. — Ничего же страшного не случилось. Погрели, ребята, выспались хорошенько и проснулись. В чем опасность? Почему тему закрыли?

— Они не спали, старик, — покачал головой Паша. — Их не было здесь — в нашей реальности — в момент визита в параллельный мир. Нет, тела-то никуда не испарились. Но приборы зафиксировали полную остановку жизненных процессов в организме. Они были мертвы. В лабораторных креслах сидели трупы. Это длилось лишь несколько мгновений, но приборы не соврали. После первого эксперимента была у нас такая версия — выход из строя оборудования. Тщательно его проверили, все работало. Но и во втором, и в третьем случае было то же самое. Люди умирали, а через десять-двадцать секунд воскресали.

— И были живы-здоровы?

— Вполне. Потом рассказывали, что видели.

— И что они видели?

— Каждый свое, — коротко ответил Паша и закрыл. — В общем-то, мало чего они рассказывали. У каждого своя жизнь и свои желания. Свои мечты...

Я подумал: «Понятно. Не каждый желает впускать постороннего человека в свою мечту. Настя! Ты моя мечта! Я люблю тебя, Настя! Я хочу быть с тобой!»

Помолчав, спросил:

— Но почему закрыли тему? Ведь все обошлось без последствий, как я понял.

— Последствия были, — грустно ответил Паша, — потому и закрыли.

— Путешествия в иной мир сказались на здоровье добровольцев? — предположил я.

— Точнее сказать, на их психическом состоянии.

— Сошли с ума?

Паша пожал плечами:

— Да нет, не думаю. Наверное, не смогли смириться с тем, что могли бы прожить свою жизнь иначе, а живут так, как... сумели.

— И что с ними стало? И сколько было всего добровольцев?

— Трое. Первый повесился через неделю после эксперимента. Второй выбросился из окна. Третий просто исчез. Пропал без вести... Ошибся я, старик. Дважды ошибся. Первая ошибка — малая мощность установки. Собственно, если бы тему не закрыли, доработать установку — пара пустиков... Со второй ошибкой сложнее. — Моргунов как-то странно на меня посмотрел. — Я, Саня, ошибся в объекте. Я выбирал добровольцев из числа неудачников. Им было о чем сожалеть, побывав там, в счастливом варианте своей жизни... И почему ты мне не позвонил тогда?..

— То есть?..

— Ты — мужик крепкий. И успешный. У тебя жизнь нормально сложилась. Ты бы не смалодушничал, как эти...

Я внутренне усмехнулся, но возражать не стал — Пашка был формально прав. У меня хорошая, достойно оплачиваемая работа, отличная квартира в центре Полынограда. Езжу не на «Мерседесе», но чем «Тойота» плоха? Во всяком случае, дешевле в ремонте обходится. Каждую осень я отдыхаю на каком-нибудь из заграничных курортов. С некоторых пор езжу в основном в Испанию. Особо не жирую, но и не бедствую. Живу, как многие... Паша, конечно же, имел в виду мое финансовое благополучие и сравнивал его со своим. Или с благополучием тех неудачников, его добровольцев. Ну какие у меня могут быть неосуществленные мечты?

О моей личной жизни Паша не знал практически ни шиша.

— Ты был бы идеальным дайвером, — причмокнул он губами.

— А что, сейчас нет никакой возможности это проверить? — вкрадчиво спросил я. — Не поверю, что ты смирился с тем, что тему закрыли, а установку разобрали.

Пашка ответил мне хитрым взглядом.

— Ты прав! Не смирился. Установка-то — мое детище. Я ее по винтикам собирал вот этими ручками! — Паша продемонстрировал мне свои растопыренные пятерни. — Я уж не говорю про это! — Он звонко похлопал себя по лысине. — Все тут. Никуда не делось.

— Ты собрал новую установку?

— Доработал, усовершенствовал и собрал! — торжественно объявил Паша.

— И где она? На работе, в лаборатории?

— Не-а, — улыбнулся Пашка, — там. — И кивнул головой вбок, в стенку.

— Здесь, у тебя дома?!

— Ага! В спальне. Вернее, в комнате, которая когда-то была спальней. Теперь там стоит моя установка. Я назвал ее ПМ-2. Как ты думаешь, почему? — И, не дождавшись моей версии расшифровки данной аббревиатуры, пояснил: — Потому, что ПМ — это начальные буквы словосочетания «параллельный мир» и одновременно — Павел Моргунов. А два... ну, ясно, почему два... Так что, ты готов к визиту в параллельный мир?

— Готов, Паша! Всегда готов! — выразил я свое согласие и изобразил над головой пионерский салют.

— Тогда пошли.

— Что, прям так, сразу?

— А чего время тянуть?

Посредине бывшей Пашкиной спальни стояло кресло. С подголовника высокой спинки свисала гирлянда датчиков. От кресла в угол спальни к огромному ящику, стоящему вертикально, тянулся жгут разноцветных проводов и силовой кабель. Мне почему-то вспомнились кадры из фильма «Зеленая миля», и предательский холодок пробежал между лопаток.

— В этом кресле кто-нибудь уже сидел? — спросил я.

— Я сидел, — откликнулся Пашка из-за ящика. Он щелкал тумблерами, крутил какие-то ручки — настраивал свою установку, — проверял, комфортно ли будет нырять в параллельный мир.

— Я имел в виду: кто-нибудь из добровольцев?

Паша вышел из-за ящика.

— Тот... третий дайвер. Без вести пропавший.

— Нашелся-таки?.. И где он был?

— Скитался. Счастье свое провороненное искал. Целый год искал. Безрезультатно. Потом решил меня найти. Подкараулил и сказал: если не отправлю его в параллельный мир, то он или меня сейчас приберет, или с собой покончит. Или сначала меня, потом себя.

— И ты...

— А что было делать?.. Честно признаться, я и сам хотел установку свою опробовать. Но с добровольцами, знаешь ли... Кстати, тебе звонил несколько раз, но тебя все дома не было.

— И как с этим третьим все прошло? Удачно?

— Еще как! Переместился. Испарился, как будьтате.

— И его не искали?

— А что его искать? Бомж.

Я обошел кресло и посмотрел, не прячется ли за спинкой какой-нибудь голодный монстр с размерами крупнее кошачьих.

— Садись. Все готово. Вернешься, расскажешь, как было.

— А если не вернусь?

— Вернешься, — убежденно заявил Паша, — что тебе там делать? Ты же сам, помню, говорил, что ничего в своей жизни менять не хочешь.

— Говорил, — согласился я.

— Тогда не тяни резину, — нетерпеливо сказал Паша, бренча гирляндой датчиков. — Садись. Поехали!

— Стоп, стоп! Что значит — поехали? Куда поехали? Я, конечно, готов, но... что я должен делать? Ты же меня даже не проинструктировал.

— А ничего, — сказал Паша, крепя датчики к моей голове, — ничего тебе не надо делать. Просто сиди и ни о чем не думай, постарайся расслабиться. Твое подсознание само переместит тебя в нужную точку параллельного мира.

— Ты уверен, что в нужную?..

— Уверен, — заявил Паша, закончив колдовать с датчиками. Подошел к ящику и оттуда добавил: — Подсознательно ты будешь стремиться попасть в тот момент своей жизни, когда у тебя была возможность изменить судьбу. Но ты...

Он еще что-то говорил, но я перестал его слушать. Я вдруг вспомнил далекий тихий августовский вечер, наш с Настей последний вечер. Я думал, что мы расстанемся ненадолго, а оказалось — на целых двадцать пять лет. Я не сказал тогда слов, которые должен был сказать ей. Я и не хотел их говорить. Зачем связывать себя какими-то обязательствами, если тебе всего лишь двадцать лет и впереди еще столько приятного и непознанного?..

Подсознание... Наверное, не только оно, но и сознание тянуло меня в тот август. Я оказался там и в то самое время, где и когда хотел оказаться.

Тихий теплый вечер. Наша Полынка — спокойная, неглубокая. Двое, обнявшись, стоят по пояс в воде. Он и она. Он — это я, двадцатилетний, она — моя Настя. Ей тоже двадцать.

Сначала я наблюдал эту картину как бы со стороны, словно из прибрежных кустов подглядывал, но вдруг понял, что сам стою в воде. И обнимаю Настю. Я ощутил ее молодое, упругое тело, я почувствовал, как мелкие рыбешки тыкаются в мои ноги.

— Ой! — воскликнула Настя испуганно. — Меня кто-то в ногу ткнул!

— Это рыбки, — ответил он. — Мы же тихо стоим, не плещемся. Вот они и осмелели, решили проверить, что это такое забралось в речку.

Он? Почему я себя называю «он»?

Мое сознание раздвоилось. Я был самим собой и одновременно кем-то другим. Но не чужим, а... Не знаю, как это передать словами. Странное ощущение. Словно я хочу сказать что-то, но за меня это произносит другой человек. Или наоборот — словно слова, которые я не собирался говорить, сами слетают с моего языка.

— Рыбки... — повторила Настя и улыбнулась. — Ой! Еще... И еще... Их много. А знаешь, они так нежно и осторожно прикасаются. Словно целуют мои ноги.

— Знаю. Меня тоже целуют.

Он приблизил свое лицо к ее лицу.

Я ощутил вкус Настиных губ. Я! Я ощутил. А он? Интересно, а что ощущает он? Ему так же приятно, как мне сейчас? Я попытался вспомнить себя тогдашнего, двадцатилетнего. Было ли мне тогда так же приятно целовать Настю, как сейчас? Конечно, было. Но так же? Или не так, по-другому?.. А если по-другому, то как?

Только подумал, как вдруг куда-то исчезло мое теперешнее «я». Я стал им. Он почувствовал вкус Настиных губ. У него закружилась голова. У меня закружилась голова. Все перепуталось. Слилось и раздвоилось...

Мне вдруг стало неловко. Будто я забрался в чужое тело и ворую чужие ощущения. Я выбрался из его сознания и встал поодаль.

Настя взглянула ему в глаза.

Я помнил этот ее взгляд. Настя хотела услышать от меня что-то главное. А я промолчал.

Он промолчал.

— Ты уезжаешь... — грустно сказала Настя, опустив голову.

— Всего на месяц, — беспечно ответил он.

— Правда?

— Правда, — соврал он.

Почему — соврал? Ведь я и правда думал тогда, что вернусь через месяц. Ну, может, через полтора, это максимум. Это теперь я знаю, что уехал надолго, на целых пять лет. И что вернулся в Полыноград... уже не один. Но ведь это я сейчас знаю, а тогда...

Настя снова с надеждой посмотрела ему в глаза. Он молчал и улыбался. Господи, какая же дурацкая у него улыбка!..

Это у меня тогда была такая дурацкая улыбка.

Настя все смотрела и смотрела, ждала.

«Ну же, ну, — думал я, — скажи ей, осел! Скажи: «Настя, я никуда не поеду. Я люблю тебя, Настя! Люблю и не хочу расставаться на целый месяц. Да что на месяц?! Ни на день, ни на минуту, ни на секунду не хочу расставаться с тобой. Хочу всегда быть рядом! Хочу дышать одним с тобой воздухом! Хочу, чтобы у нас были дети! Очень хочу! Настя, стань моей женой!»

Но он молчал.

Я вдруг понял, что легко могу занять его место и сказать то, что хочу сказать сейчас. И жизнь моя изменится, пойдет по другому сценарию. Одним лишь усилием воли я вышвырну этого молокосо-са из его сильного красивого тела и начну новую жизнь. С Настей!

Анастасия сказала мне:

— Мы потеряли целую жизнь, Саша. Жизнь прошла, а мы ее не заметили. Знаешь, мне кажется, что я спала четверть века, и это был дурной сон...

Я не хочу, чтобы наступал для Насти и для меня дурной сон! Я хочу счастья! Я хочу, чтобы он сказал...

И он вдруг сказал... другими словами, но то, что я ждал:

— Настя! Я передумал. Я никуда не поеду.

Не могу, не хочу никуда уезжать. Я люблю тебя, Настя!

— И я люблю тебя, Сашенька...

Их слова смешались с поцелуями.

А я... Мне в этой реальности делать было нечего.

— С возвращением! — поздравил меня Пашка.

— Спасибо.

— Ну как там, в параллельном мире?

— Нормально, — устало ответил я.

— Расскажешь?

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал я. — Не обидишься? Устал я что-то... — и, взглянув в погрустневшие Пашкины глаза, сжалился: — Там все отлично, Паша. Там все так, как и должно быть. Там... все правильно. Но это не наша жизнь. Наша жизнь здесь.

— Я так и думал, — кивнул Паша и, почесав затылок, сказал: — А ты знаешь, Саня, почему я до сих пор так и не решился побывать в параллельном мире? Других отправлял, а сам...

Я пожал плечами.

— Боюсь разочароваться.

«Все правильно, — думал я по дороге домой, — все так и должно было случиться. Параллельный мир по гипотезе моего гениального приятеля — всего лишь один из вариантов человеческой судьбы. Тот мир, в котором побывал я, — вариант моей судьбы. Могло быть так, как сложилось, а могло сложиться иначе. И ничего страшного, что я остался в своей реальности. Ведь тот, которого я видел, — это тоже я. И он проживет свою жизнь по-другому. То есть я проживу свою жизнь по-другому. А в этой жизни... Могу ли я сбежать отсюда? Все ли долги я оплатил? Все ли сделал, что должен был? А что станет с Сан Санычем, если я исчезну?.. Сан Саныч, Сашка! Я совсем забыл о нем! А что, если и он исчезнет, если исчезну я?.. Я помню, читал фантастические рассказы, хотя и не люблю фантастику. Просто читал от нечего делать. И фильмы смотрел. Правда, там — о путешествиях во времени, но какая разница? Люди исчезали из данной реальности, и вместе с их исчезновением менялось в этой реальности все, с чем они когда-то сталкивались. Исчезало, менялось... Я не могу так поступить с Сашкой, не хочу, чтобы он исчезал... Он-то тут при чем?.. Но, стоп! О чем это я? О чем? То была фантастика. А параллельный мир, в котором я побывал?.. Пашка сказал, что это не фантастика! Но это всего лишь Пашка сказал, сумасшедший мэнээс. Или уже эсэнэс? А может, уже и доктор наук?.. И вообще — был ли я в параллельном мире или мне все это только приснилось?.. Я спал и видел сон... Но сон был таким реальным!.. А собственно говоря, какая разница? Сон, реальность, возможность сбежать в параллельный мир или самообман? Все это не имеет никакого смысла. Есть я, есть моя жизнь, которую в любой

момент можно изменить. Нет, не изменить, продолжить по-другому. Все в моих силах... Надо позвонить Сан Санычу и договориться встретиться. Надо поговорить с ним. Очень давно мы с ним не разговаривали по-настоящему. Так, чтобы никуда не торопиться. Ни мне, ни ему. Я ведь почти ничего не знаю о собственном сыне. Все некогда, все куда-то торопимся... Обязательно позвоню и договорюсь о встрече. Может, на рыбалку съездим? Как когда-то давно, когда он был маленьким и я ему был еще нужен. Не только для того, чтобы перехватить денег...».

Запел мобильник.

— Здравствуй, Саша!

— Настя! Здравствуй, любимая!

— Я все рассказала, Саша.

— Прости, любимая, я не понял — кому и что ты рассказала?

— Я рассказала о тебе Марине. Призналась ей, что мы с тобой... встречаемся. И она это восприняла спокойно. Нет, она это хорошо восприняла, с пониманием.

Я прижался к обочине. Мне хотелось закричать от счастья.

— Ты что молчишь?.. — спросила Настя. — Ты меня осуждаешь?

— Я рад, любимая! Ты не представляешь себе, как я рад! А знаешь, наши дети гораздо мудрее, чем мы о них думаем. И взрослее.

— Да, ты прав. Ты всегда прав, любимый.

— Мы будем вместе, Настя! Теперь мы всегда будем вместе... Ты помнишь из геометрии формулировку параллельных линий?

— Кажется, это такие линии, которые пересекаются в бесконечности?

— Бесконечность — это наша любовь, родная! **УС**